

Вечером Тан Юэ не смог усидеть на месте — он рвался гулять.

В Китае хайп вокруг группы Away не стихал ни на минуту. В топах соцсетей появлялись всё новые видео от фанатов, случайно встретивших их ночью.

Случайные прохожие, заходя в такие посты, удивлялись: никакого хаоса и визгов, только четверо молодых людей неторопливо прогуливаются по ночной улице.

Местные магазины работали до самого утра, и на улицах было оживлённо.

Тан Юэ интересовался буквально всем — даже уличные закуски пробовал одну за другой.

Люй Сихао:

— Мы же только что ели вагю! Как ты уже снова голоден?

Тан Юэ стоял у лотка под тёплым жёлтым светом и смотрел, как владелец готовит сырные картофрины:

— Но они так аппетитно выглядят!

Он не знал местного языка. Хотя английский давался ему неплохо, перед незнакомцами говорить всё равно не любил.

В таких случаях он просто поворачивался к Цзян Шулюю.

Цзян Шулюй:

— Сколько порций хочешь?

Люй Сихао в изумлении:

— Да ты серьёзно? Это же чистые калории! Уже который час — и ты ещё ешь?!

Рядом действительно крутились фанаты, но никто не мешал — все вели себя тихо и уважительно.

Продавец был совсем молод — лет двадцати с небольшим, с настоящими, природными золотыми волосами.

Тан Юэ заметил, что у него тоже голубые глаза, и невольно задержал на нём взгляд.

Цзян Шулюй незаметно придвинулся ближе к Тан Юэ и спросил:

— Одной порции хватит?

Тан Юэ обернулся к Люй Сихао:

— Сань-гэ не будешь?

Люй Сихао:

— Такая еда — чистое зло. Я лучше выпью.

Тан Юэ смотрел на дымящиеся картофины и одновременно листал в телефоне расписание:

— Тогда пусть зло достанется мне. Потом ещё пойдём есть жареные вафли с начинкой.

Люй Сихао сдался. Он так и не мог понять, куда уходит вся эта еда — Тан Юэ, сколько ни ешь, не полнеет.

Именно его с Яо Лисинем чаще всего отчитывал преподаватель по пластике. Что до Цзян Шулюя... Ну, этот наследник богатой семьи всегда держал себя в железной узде. Люй Сихао считал, что все в роду Цзян одинаковые:

любят мучить себя, будто у них нет ни аппетита, ни желаний.

Хотя насчёт последнего он теперь сомневался — особенно после того следа от зубов на руке Цзян Шулюя. Похоже, между ними действительно что-то «проскочило».

Люй Сихао сохранял добродушно-насмешливое настроение.

Тан Юэ, хоть и был горячим, но глуповатым парнем, всё же имел представление о границах.

А вот Цзян Шулюй, похоже, сам себя мучил.

Цзян Шулюй:

— Тогда только одна порция.

Тан Юэ:

— Почему?

Цзян Шулюй:

— Оставь место для чего-нибудь ещё.

Тан Юэ:

— Может, купим две и поделим?

Фанаты снаружи уже начали тихонько смеяться.

Яо Лисинь примерял уличные handmade-кольца. На озере ночного «Водного города» покачивались лодочки, а луна, казалось, отражалась прямо на воде, рассыпая серебристую рябь под ветром.

Люй Сихао почувствовал себя лишним — взял и увёл Яо Лисиня в бар, напоследок посоветовав фанатам лечь спать пораньше.

Он всегда был мягок и обаятелен с окружающими, и фанаты моментально поддавались его обаянию. Когда он предложил: «Хотите, провожу вас до отеля?» — все дружно разошлись.

Яо Лисинь:

— А я ведь ещё не попробовал сырные картофрины...

Люй Сихао:

— Ты бы лучше головой думал! Это же свидание у них, а мы просто туристы.

Яо Лисинь понизил голос:

— А по-моему, это оплаченный медовый месяц.

Люй Сихао:

— Без свадьбы какой медовый месяц?

Яо Лисинь:

— Я просто боюсь: вдруг группа распустится — и они сразу улетят за границу жениться? А мы тогда что?

Люй Сихао:

— Какое «мы»?

Яо Лисинь:

— Ладно, забудь. Ты ведь собираешься стать хозяйкой агентства.

Люй Сихао молча пошёл вперёд.

Тан Юэ посмотрел вслед ушедшим товарищам, но во рту у него была картофрина — сказать ничего не мог. Он лишь потянул Цзян Шулюя за рукав, намекая позвать их.

Но Цзян Шулюй сделал вид, что не понял, и просто улыбался.

Тан Юэ несколько раз промычал «м-м-м», пока тот не вытащил у него изо рта две картофрины.

Тан Юэ:

— У меня же там ещё полно! Зачем вытаскивать изо рта?

Цзян Шулюй:

— Разве ты не собирался откусить и дать мне?

Тан Юэ:

— Конечно нет!

Он ел сырные картофрины, макая в салатный соус, а Цзян Шулюй держал для него упаковку. Они двинулись дальше.

Фанатов становилось всё меньше — многие разбрелись по своим делам.

Это были те же самые лица, что встречали их на всех концертах за рубежом. Видимо, и сами хотели немного повеселиться, поэтому к концу вечера вообще перестали следовать за ними.

Цзян Шулюй свернул с Тан Юэ в несколько переулков — и наконец позади никого не осталось.

Он спросил:

— Уже не злишься?

Тан Юэ:

— На что?

Он всё ещё хрустел картофринами, а уголки губ были испачканы белым соусом.

После концерта они лишь успели смыть грим и переодеться.

У Тан Юэ на затылке всё ещё торчал маленький хвостик, а разноцветная заколка даже при тусклом свете уличного фонаря оставалась заметной.

Цзян Шулюй:

— На то, что случилось тогда.

Тан Юэ вдруг почувствовал, что картофины больше не кажутся вкусными.

Тогда... случайно... испачкал лицо Цзян Шулюя.

И не только лицо — ещё и рубашку.

Хотя Цзян Шулюй лишь на пару секунд удивился, а потом сразу сказал: «Ничего страшного», — Тан Юэ тогда до такой степени смутился, что задрожал всем телом и чуть не заплакал.

Тан Юэ:

— Я не злюсь.

Узкие улочки чужого города в ночи казались завораживающе размытыми. Даже кирпичная кладка домов словно была украшена рельефами, но Тан Юэ не обращал внимания.

Прошло уже несколько дней. Подготовка к концерту вымотала их полностью: репетиции за репетициями, согласование программы, настройка света и хореографии — времени подумать не было, падал спать сразу.

Сегодня всё закончилось. А след от зубов на ладони Цзян Шулюя взорвал соцсети. Виновник происшествия старался делать вид, что забыл, надеясь, что внимательный возлюбленный тоже сделает вид.

Но Цзян Шулюй всё-таки заговорил об этом.

Тан Юэ:

— Я боялся, что ты злишься.

Он помолчал:

— Просто я не ожидал, что так получится...

Цзян Шулюй нарочно спросил:

— Как «так»?

Тан Юэ взглянул на него — в глазах читалось и стыд, и досада:

— Капитан, ты же знаешь!

Цзян Шулюй с лёгкой издёвкой:

— Знаю, что наш Сяо Юэ очень...

— ...взволнован. И очень сладкий.

У Тан Юэ мозги закипели. Он вспомнил, как Цзян Шулюй тогда сжал губы — и сам явно не ожидал такого поворота.

Тан Юэ:

— Не надо больше об этом!

Он развернулся, чтобы уйти.

Цзян Шулюй протянул руку и обнял его за плечи — так часто делали Люй Сихао и Яо Лисинь. Со стороны это выглядело совершенно невинно, но если бы кто-то шёл навстречу, он бы увидел, как Тан Юэ потянулся и сжал пальцы Цзян Шулюя.

От кончиков пальцев до суставов — медленно, почти лениво — он будоражил чувства другого.

Цзян Шулюй:

— Если не говорить — значит, хочешь действовать?

Рука Тан Юэ замерла:

— Сегодня?

Цзян Шулюй:

— Я имею в виду — взять тебя за руку.

Тан Юэ разочарованно протянул:

— А-а...

Он даже перестал есть картофрины. Чувствовал себя так, будто его искусно раззадорили — а потом лишили возможности «потушить огонь».

В переулке была небольшая винотека. За стеклянным окном сидели люди, пили вино и с интересом проводили взглядом восточных красавцев.

Цзян Шулюй спросил:

— Хочешь выпить?

Тан Юэ почти не пил — у него было слабое здоровье, да и график не позволял. Алкоголь был под запретом.

Но сейчас он спросил:

— Можно?

Цзян Шулюй:

— Концерт закончился. Конечно, можно.

Тан Юэ обрадовался и потянул Цзян Шулюя внутрь.

Он и так был красив, а ещё умел быть хорошим зрителем. Когда бармен начал миксологию, Тан Юэ заплодировал — юный бармен смутился и спросил номер телефона Тан Юэ.

Тан Юэ лишь уловил общий смысл. Цзян Шулюй перевёл:

— Он просит твой номер.

Тан Юэ покачал головой и указал на Цзян Шулюя.

Бармен спросил, кто он такой.

В Китае у них редко бывали такие моменты. Away были слишком популярны — куда ни пойдешь, везде маски, очки, капюшоны.

Рестораны и бары, куда они заходили, обычно принадлежали «своим», и общения с обычными людьми почти не случалось.

Здесь, в чужой стране, среди непонятной речи, Тан Юэ чувствовал ещё большую зависимость от Цзян Шулюя.

Он потянулся к нему, желая взять за руку. Едва сдвинул пальцы — как его ладонь уже крепко сжали.

Этот жест был настолько наполнен обладанием, что одного взгляда хватало, чтобы всё понять.

Бармен улыбнулся и больше ничего не сказал.

Правда, алкоголь оказался крепче, чем казался. Сначала Тан Юэ пил, потому что напиток был сладким, но вскоре ударил жар.

Он уже не мог идти сам и, под насмешливыми взглядами компании, позволил Цзян Шулюю взять его на спину.

«Маленький инопланетянин» обожал запах капитана — вдыхал снова и снова. Его горячее дыхание обжигало шею Цзян Шулюя, почти сводя того с ума.

Отель был недалеко, да и ночь уже глубокая — на улицах почти никого.

Цзян Шулюй просто неспешно шёл, неся Тан Юэ на спине, под ночным ветром.

Тан Юэ был пьяным и растерянным, но всё ещё помнил о том, что, возможно, обидел Цзян Шулюя. Он бормотал его имя:

— Шулюй... гэ... тебе больно?

Цзян Шулюй:

— Уже нет.

Тан Юэ:

— Прости... прости... я тогда...

Он долго молчал, потом снова прошептал «прости».

Его лицо пылало жаром, прижатое к шее Цзян Шулюя, почти разжигая ту страсть, которую тот так старательно подавлял в тот день.

Тан Юэ был не то чтобы смелым — но и не робким. Раз открывшись в любви, он отдавался ей целиком, на все сто.

Как вулкан, что никогда не угасает: раскалённая лава, каждый блик которой способен растопить Цзян Шулюя.

Он никогда раньше так остро не ощущал, что его любят. Что он важен.

Под лёгким ночным ветерком Цзян Шулюй сказал:

— В следующий раз такого не будет.

Тан Юэ:

— В следующий раз?

Цзян Шулюй не стал уточнять, лишь кивнул:

— Мм.

Тан Юэ:

— Ты... останешься со мной сегодня?

Цзян Шулюй:

— Наверное, не стоит.

Тан Юэ:

— Но я уже... уже несколько ночей не спал с тобой. Сань-гэ... только что написал, что будет до утра на дискотеке.

То есть в апартаментах останутся только они двое.

Цзян Шулюй:

— Хорошо.

Тан Юэ обрадовался, прижался к шее Цзян Шулюя ещё крепче и забормотал свои желания:

— Хотел бы... чтобы ты обнял меня... спереди.

Цзян Шулюй:

— Так обнимают детей.

Тан Юэ:

— У нас будут... дети.

Цзян Шулюй подумал, что он хочет усыновить ребёнка, и кивнул:

— Хорошо.

Тан Юэ:

— Ты можешь... обнять меня так, когда вернёмся? Я видел в интернете — у пар так бывает.

Их отношения были тайными. Даже видясь почти каждый день, они жили в плотном графике, и каждая минута нежности казалась украденной.

Тан Юэ мечтал о настоящем мире для двоих.

Цзян Шулюй:

— Хорошо.

Тан Юэ:

— Можешь... чаще меня трогать?

Цзян Шулюй:

— Хорошо.

Тан Юэ:

— И... можно спать на одной подушке?

Цзян Шулюй рассмеялся:

— Хорошо.

Тан Юэ:

— А... навсегда быть вместе?

Цзян Шулюй:

— Хорошо.

Тан Юэ:

— А ещё...

Цзян Шулюй:

— Ты точно пьян? Кажется, говоришь всё чётче и чётче.

Тан Юэ:

— Я просто хотел... попробовать этот трюк из интернета — вытягивать признания.

Цзян Шулюй шёл уверенно, неся его на спине. Их тени на мостовой тянулись бесконечно. Башенные часы пробили полночь.

Скоро взойдёт первое солнце.

Но городские голуби уже вернулись в гнёзда. Тан Юэ, прижатый к спине Цзян Шулюя, источал жар и запах алкоголя.

Цзян Шулюй:

— Ты давно поймал меня в свою ловушку. Так что, Сяо Юэ, можешь спрашивать всё, что хочешь.

Тан Юэ:

— А... насколько сильно ты меня любишь?

Он и так прижимался губами к шее Цзян Шулюя, и каждое слово почти было поцелуем.

Цзян Шулюй:

— Настолько, что хочу поцеловать тебя прямо сейчас.

Тан Юэ:

— А почему бы и нет?

Цзян Шулюй:

— Боюсь причинить тебе боль.

Тан Юэ:

— Что?

Цзян Шулюй глубоко вдохнул холодный воздух и поправил Тан Юэ на спине:

— Потом поймёшь.

Тан Юэ:

— Можно... аванс?

Его мышление всегда отличалось оригинальностью. Цзян Шулюй на две секунды замер, потом с трудом сдержал смех:

— А что считать авансом?

Тан Юэ:

— В прошлый раз я тебя... испачкал. А теперь... можешь делать со мной что угодно.

Он сам почувствовал, что фраза звучит странно, и говорил всё тише, пока не выдавил:

— Я могу... использовать другие места.

Цзян Шулюй долго молчал. Тан Юэ занервничал:

— Я слишком... слишком...

Цзян Шулюй перебил:

— Нет.

Он спросил:

— Ты правда готов?

Тан Юэ:

— Иногда ты такой лицемер, гэ. Ведь тогда... тоже не сдержался, правда?

Обвинённый в лицемерии Цзян Шулюй спокойно кивнул:

— Мм.

Он сказал:

— Тогда держись крепче.

Тан Юэ:

— Зачем?

И Цзян Шулюй побежал, неся его на спине. Ветер растрёпал им волосы, сон Тан Юэ улетучился, но он был счастлив.

Цзян Шулюй всегда был так сдержан — ему нужно было бежать, как ветер, навёрстывая утраченную юношескую вольность.

В три часа ночи Люй Сихао и Яо Лисинь всё ещё сидели в баре.

Яо Лисинь только что станцевал на шесте, отказался от приглашения кудрявого парня и спросил:

— Ты возвращаешься?

Люй Сихао:

— Зачем? Оставим этим двоим немного пространства.

Яо Лисинь:

— Но у нас же апартаменты... по комнате на человека.

Люй Сихао:

— Разве ты не чувствуешь в воздухе розовые пузырьки?

Яо Лисинь:

— Ты преувеличиваешь. Капитан не стал бы...

Люй Сихао:

— Вот именно! Поэтому я и говорю — он себя задушит. Сегодня я точно не вернусь.

Яо Лисинь:

— А если ты не вернёшься — как я осмелюсь?

Люй Сихао показал ему сообщение.

На счёт пришло 500 тысяч — от Цзян Шулюя.

Яо Лисинь:

— Чёрт! А мне почему не дали?

Люй Сихао:

— Ты не проверял телефон?

Яо Лисинь увидел перевод и пробормотал:

— Почему, получив деньги, я всё равно чувствую себя странно?

Люй Сихао покачивал бокалом, улыбнулся бармену и подумал: «Даже кудри не сравнить с кудрями старика Цзян Хэ».

«Чёрт, почему я постоянно о нём думаю?»

Он сказал:

— Это ведь почти как наш секретный чат без Сяо Юэ, верно?

Яо Лисинь:

— Да, логично... Мне даже стыдно стало.

— Слишком нечестно. Лучше я вернусь.

Люй Сихао:

— Да брось. Ты же знаешь, как Сяо Юэ липнет к нему. Он сам мечтает спать в одной комнате с Цзян Шулюем.

Он оперся на ладонь и вздохнул:

— Главное — вернуться к рассвету. А то моё лицо точно распухнет.

Яо Лисинь:

— Может, переедем в другой отель?

Люй Сихао:

— А завтра заголовки: «Конфликт в Away: участники ночью сменили номера».

Яо Лисинь: ...

Отель был старинный, лифт — антикварный. Когда Цзян Шулюй нес Тан Юэ наверх, им встретился сотрудник, спускавшийся вниз. Тан Юэ пришлось притвориться без сознания — боялся, что ассистент заставит его встать.

Только в номере Цзян Шулюй спросил:

— Не слезешь?

Тан Юэ:

— Мне всё ещё кружится... Хочу в ванну.

Цзян Шулюй собрал длинные волосы в хвост — после бега они растрепались. Тан Юэ потрогал их и спросил:

— Сегодня можно понежиться в ванне?

Цзян Шулюй:

— Можно.

Тан Юэ:

— Только бы Эр-гэ не вернулся внезапно.

Цзян Шулюй улыбнулся:

— Не вернётся.

Тан Юэ:

— Может, стоит уточнить? Он часто возвращается ночью.

Цзян Шулюй с лёгкой насмешкой:

— А что мы такого делаем, чего стоит стесняться?

Тан Юэ удивился:

— Я слишком много думаю?

Его лицо слегка покраснело. Он проворчал:

— Но ведь можно же?

Цзян Шулюй всё ещё улыбался. Тан Юэ резко приблизился и прижался лбом ко лбу.

Они даже не включили свет. За окном царил тишина раннего утра. Тан Юэ смотрел на лицо в сантиметре от своего — и снова задержал дыхание.

Неизвестно, сколько они так простояли. Неясно, чья рука двинулась первой. Но когда Тан Юэ пришёл в себя, он уже лежал в ванне, задыхаясь от поцелуев.

Вода была идеальной температуры. В комнате горел лишь ночник у зеркала — свет был тусклым, и лицо Цзян Шулюя казалось размытым.

Но в этот момент зрение не имело значения. Главным было прикосновение.

Мокрая одежда была сброшена. Тан Юэ впервые почувствовал, что такое «сладость по частям».

Потому что кто-то действительно хотел искупать его.

Поцелуи, словно отмеренные по времени, сыпались нежно и часто. Они не опускались ниже шеи, но вызвали жар по всему телу. Вода казалась всё горячее, дыхание — огненным, разжигая давно забытое желание.

Когда его вытащили, чтобы высушить волосы, Тан Юэ наконец понял, что что-то не так.

Тан Юэ:

— Разве не я... должен помогать тебе?

Алкоголь был слабым — лишь слегка ударил в голову. Сейчас пар и тепло развеяли опьянение, оставив лишь покрасневшие суставы пальцев. Он сжал запястье Цзян Шулюя:

— Гэ...

Цзян Шулюй:

— Люй Сихао и Яо Лисинь вернутся утром.

Он провёл пальцами по волосам юноши, говоря особенно нежно.

Тан Юэ:

— И?

Цзян Шулюй:

— Теперь всё зависит от тебя.

Тан Юэ через мгновение понял. «А-а...»

Люй Сихао и Яо Лисинь допили в баре до рассвета. Несмотря на усталость, не позволили себе ничего, что могло бы испортить имидж.

У одного была тайная симпатия, у другого — неопределённые отношения. Оба были не совсем «чисты», но, странно, оставались трезвыми даже после множества бокалов.

Утром они даже успели сесть на лодку и посмотреть на восход.

Случайно встретили фанатов, но отказались от совместного фото.

В конце концов согласились — но в масках и с требованием отредактировать снимок.

Вернувшись в отель, Люй Сихао проверил общие зоны — всё было как прежде.

Он не осмелился зайти в спальню Цзян Шулюя, но заглянул в комнату Тан Юэ — и, конечно, никого не нашёл.

Потом просто пошёл спать.

Первым проснулся Цзян Шулюй. Утром менеджер прислал сообщение в общий чат.

Там были ссылки на топы китайских платформ.

И фото туристов, встретивших Люй Сихао и Яо Лисинь.

@QifenTianXiaoXiao («Семь частей сладости»):

[Фото] Знала, что Away дают концерт в этом городе, но была с родителями — не пошла. Не ожидала увидеть их утром!

Жаль, что только двоих.

- У Яо Лисиня такие мешки под глазами!
- Девчонки с передовой пишат: всю ночь просидели в баре...
- Неужели то, о чём я думаю?!
- Просто пили!
- Как они не устают после концерта?
- А где капитан и Тан Юэ?
- Потеряли из виду.
- Говорят, разделились попарно.
- Кто-то прислал фото из окна: Цзян Шулюй несёт Тан Юэ по улице глубокой ночью.

Цзян Шулюй открыл это фото — должно быть, сделано после бара.

Пустая улица, городские огни, река справа, мерцающая в темноте.

Снимок был немного размыт, но, кажется, специально — многие приняли его за промо нового альбома.

Менеджер ничего не сказал, лишь напомнил быть осторожнее.

Это был редкий отпуск. Цзян Шулюй не хотел вставать так рано — просто снова обнял спящего рядом человека и уснул.

Тан Юэ проснулся от голода.

Он потихоньку встал, сверился со временем и только захлопнув дверь, выдохнул с облегчением.

От чистки зубов до умывания — всё время чувствовал слабость в ногах.

Воспоминания возвращались: до конца ничего не произошло, но Цзян Шулюй почти «сварил» его заживо.

Он сам сказал: «Не жалею». А теперь жалел сам.

Не помнил, когда уснул. Даже умывшись, оставался в тумане — как призрак, брёл на кухню апартаментов в поисках еды.

Люй Сихао застал его именно так — со спины.

Тан Юэ, кажется, перепутал пижамы: ворот слишком широкий — почти оголил плечо, а штаны короткие — едва прикрывали лодыжки.

Люй Сихао поздоровался:

— Сяо Юэ, добрый день.

Тан Юэ что-то активно жестикулировал и, похоже, не услышал.

Люй Сихао подошёл ближе:

— Что ты показываешь? Тренируешь хват?

Тан Юэ вздрогнул:

— Сань-гэ, ты вернулся?

Люй Сихао:

— Утром. Умираю от усталости. Перекушу — и снова лягу.

Тан Юэ кивнул.

С близкого расстояния Люй Сихао заметил следы на руке Тан Юэ, а потом — и на лодыжке.

Он замер:

— Ты...

Тан Юэ:

— Нет!

Люй Сихао:

— Ладно. Если говоришь «нет» — значит, нет.

Когда Цзян Шулюй вышел из спальни, он увидел, что Тан Юэ снова уснул на диване.

Он давно заметил: после всплеска эмоций у Тан Юэ всегда наступал период отстранения.

Тот, кто липнет — и тот, кто уходит.

Если бы они не поговорили вовремя, Цзян Шулюй бы испугался, что Тан Юэ просто сбежит.

Тан Юэ даже не осознал, что снова уснул после еды.

Проснулся ближе к вечеру. Шторы были не до конца задёрнуты — за окном сгущались сумерки. Цзян Шулюй сидел у окна за ноутбуком.

Тан Юэ резко сел:

— Я снова уснул?!

Цзян Шулюй обернулся:

— Да. Я даже думал, будить ли тебя.

— Место в ресторане на озере уже забронировано. Если бы ты не проснулся — поехали бы без тебя.

Тан Юэ вскочил:

— Поехали!

Но сил почти не было. Высокоэнергетичный концерт, ночной разгул и эмоциональное напряжение с Цзян Шулюем истощили его полностью. Даже отдохнув, тело не оправилось — он чуть не упал.

Цзян Шулюй:

— Помочь?

Тан Юэ не стал отказываться:

— Да.

Он получил желанный объятий лицом к лицу. Его любимый человек носил его выбирать одежду, переодевать.

Как сказал бы Яо Лисинь: «Осталось только вынести на руках».

Ресторан на озере оказался китайским — подавали только китайскую кухню.

Тан Юэ наслаждался всем, о чём мечтал, и смотрел на розовый закат у окна.

Люй Сихао и Яо Лисинь фотографировались со всех ракурсов. В конце концов, глядя на Цзян Шулюя, который не отходил от Тан Юэ ни на шаг, Яо Лисинь спросил:

— Давайте сделаем фото на память?

Это был первый этап мирового тура Away — и начало обратного отсчёта до распада.

Все понимали: группа не может существовать вечно. Но эти четверо отлично ладили — работа и личная жизнь переплетались, и они стали друг другу и друзьями, и семьёй.

Цзян Шулюй ещё не ответил, как Тан Юэ уже обернулся:

— Фоткаемся! Только чтобы закат попал в кадр!

В тот же день официальный аккаунт @AwayStudio опубликовал фото.

Четверо сидят за столом, поднимают бокалы с чаем вместо вина. За спиной — розовый закат, в небе пролетают птицы, а на далёкой набережной вспыхивают огни.

Тан Юэ в комментариях перечислил блюда.

— Все репостят! Тан Юэ, ты что творишь?! Разве лунный пирожок с лотосом так хорош?!

— Как он вообще не толстеет?!

— Цзян Шулюй в таком образе?! Он же делает «V» за головой Тан Юэ! Это же ООС!

— Когда выйдет фотокнига с образами с концерта? Полу-хвост Тан Юэ такой милый!

— Почему на следе от зубов пластырь?

— Подождите! На пластыре надпись?!

— Там дата и подпись Тан Юэ... Боже, всё, я больше не сдерживаюсь — шипперю!

— На любом другом бойз-бэнде это был бы скандал, а фанаты Away делают вид, что ничего не видят?

— На анонимных форумах многие шипперят, но статус Цзян Шулюя... Он точно не выйдет из шкафа. Лучше остановиться!

— А я буду шипперить, пока могу! Это же почерк Тан Юэ! Ужасно кривой, ха-ха!

— Кто кусает — тот и подписывает. Смотрите фанарт с прошлой ночи!

— Боже! У меня уже в голове кадры! Не верю, что его укусили из-за ванны! Тан Юэ не такой агрессивный. Точно Цзян Шулюй что-то натворил.

— Но что он мог сделать? Он же всегда такой сдержанный!

— Не хочу представлять «ледяную лилию» в роли развратника (я шучу).

Сотрудники студии даже не ожидали, что фанаты окажутся такими «микроскопами».

Но было уже поздно удалять.

Хайп в топах не снижался. Казалось, будто Цзян Шулюй и Тан Юэ объявили отношения.

#Away_ЛюбовьВнутриГруппы

#ЦзянШулюй_ПластырьКакМетка

#ТанЮэ_Подпись

Вечером Тан Юэ, объевшись, был вынужден гулять для пищеварения.

Люй Сихао и Яо Лисинь рассматривали фото, читали комментарии и пугались. Начали увеличивать детали.

Потом поняли, насколько это глупо — ведь «виновники» рядом.

Яо Лисинь:

— Капитан, а что с твоим пластырем?

Цзян Шулюй взглянул на него. Яо Лисинь тут же «упал на колени»:

— Это Люй Сихао хотел спросить!

Люй Сихао:

— Хайп взорвался! Чего тут стесняться?

Цзян Шулюй:

— Спроси у Тан Юэ.

Тан Юэ:

— Я... снова укусил. Пошла кровь.

Лицо юноши мгновенно вспыхнуло. Он запнулся:

— Поэтому и наклеил пластырь.

Люй Сихао:

— Зачем писать надпись? Метить территорию?

Ситуация тогда была крайне горячей. Тан Юэ до сих пор чувствовал жар в ладонях — будто прикосновения остались.

Он метался между удовлетворением и неудовлетворённостью. Когда Цзян Шулюй протянул руку, чтобы погладить его по волосам, Тан Юэ схватил её и □□ укусил.

«Инопланетянин» ничем не отличался от землянина: мягкие губы — и крепкие зубы.

Цзян Шулюй тогда не придавал значения. Кусал Тан Юэ — а плакал всё равно он сам.

Цзян Шулюй:

— Я пошутил. Сказал: если жалеешь — запомни дату, когда укусил.

Он не ожидал, что Тан Юэ воспримет это всерьёз.

Цзян Шулюй не стал напоминать, что пластырь пора менять.

Он просто смотрел, как Тан Юэ наклеивает его и берёт его руку, чтобы написать подпись.

Это чувство «принадлежности» казалось Цзян Шулюю чем-то новым.

Будто метка, связывающая их навсегда.

Он прекрасно понимал, что фото раскроют.

Но его жизнь всегда была такой правильной, такой предсказуемой.

Это скрытое признание перед камерами — тоже своего рода безумие.

И он подумал: «Ну и что с того?»

Он действительно очень любил Тан Юэ. Настолько, что перестал быть собой.

Тан Юэ:

— Тогда в следующий раз кусай в ответ.

Яо Лисинь не выдержал и ушёл первым.

Люй Сихао последовал за ним.

Капитан отстал — и шёл теперь рядом с младшим.

Цзян Шулюй:

— Хорошо. Запишу в долг.

<http://bllate.org/book/16057/1606196>